

Даня сидел на камне, скрестив ноги по-лягушечьи. Коктебельская ночь обволакивала его лиловой тьмой, непроницаемой, как чернила. Море молчало: бухта недаром прозывалась Тихой.

Он приехал в Коктебель с компанией, но в первый же день оторвался от коллектива, возжелавшего беспробудно тусить в кафешках: его тянуло не к курортным соблазнам, а к тишине и к морю. Он уходил из города, просиживал нагишом целые дни, прятался в тени скал, слушал море, плавал и мазался глиной.

И сейчас он был обмазан ею с ног до головы. Липкая прохладная масса казалась ему густой тьмой, облепившей голое тело. Глина считалась целебной — ей здесь все мазались, толком не зная, от чего она лечит.

Ночь была влажной, беззвездной; только справа, за мысом, светились огни Коктебеля, показывающие Дане, куда ему возвращаться, и в небе плыло мутное свечение — намек на луну, облепленную, как и Даня, густой мглой.

В тишине послышался плеск. Напрягать глаза было бесполезно, и Даня только слушал. Когда плеск переменялся, показывая, что пловец стал на ноги, Даня негромко сказал в темноту:

— Осторожно, здесь скользкие камни.

Пловец-невидимка взвизгнул — совсем рядом, у Дани под носом — и отозвался:

— Напугали вы меня!..

Голос был женским и странным — гортанным, переливчато-густым, как лиловая мгла.

— Извините, я не хотел вас напугать.

— А чего же? — невидимая пловчиха запнулась, удерживая, видимо, равновесие на камнях, — а чего же вы хотели?

Даня чуть было не пустился в оправдания — хотел, дескать, как лучше, — но вовремя почувал, что момент требует иных речей:

— Я; я хотел уберечь вас от злых камней. Потому и сижу здесь.

— Да? Вы, значит, все время сидите здесь? Вы — добрый дух этого берега?

— Можно и так сказать.

Море фосфоресцировало — кроме призрачных искр, не было видно ни зги. Тьма будто перевернулась вверх тормашками: вверху черная мгла, внизу море — опрокинутое звездное небо. Гортанный голос раздавался ниоткуда — где-то совсем рядом, у самого Даниного лица.

— А я думала, что никого не встречу здесь; Аааай! — Даня дернулся: невидимая рука вдруг коснулась его причинного места, щедро намазанного глиной, — Что это?!..

Прикосновение застало Даню врасплох, и он на миг онемел. Потом сказал:

— Это; это я. Не бойтесь.

— Вы?! — ужас в голосе усилился. Даня, поняв, какую картину могла себе вообразить невидимка, поспешно разъяснил:

— Я. Просто обмазался глиной. Голубой глиной.

— Гли-и-ной? — неуверенно протянул голос, — Ну!… Предупреждать же надо. Знаете, что я подумала?!

— Что потрогали настоящего водяного? За хвост?

— Что-то в этом роде… А зачем вы намазались глиной?

— Она лечебная. Так говорят… А вообще это просто очень прикольно и приятно. Они сидели, наверно, лицом к лицу — Даня на камне, а невидимка в воде — слышали дыхание друг друга, и Дане даже казалось, что он видит перед собой темный силуэт. Кто перед ним? Женщина? Девушка? Какие у нее волосы, какое лицо, какой взгляд? Густой голос говорил, казалось, о зрелом, о женском, но Дане слышалось в нем озорство юности.

— А… это тоже вы? Ай!… — незнакомка тронула Данино колено, выбираясь из воды.

— И это я. Осторожно: я очень грязный. Поэтому и не даю вам ручку.

— Ну, уже и я, кажется, приняла грязевые ванны… Фффух, выбралась! Ну? — Даня ощутил, как невидимка пристально смотрит в его сторону. — Со свиданьем, дух берега! Можно вас так называть?

— Отчего нет? А я вас буду называть — Ночка. Не против?

— Ночка?! В гортанном голосе послышалось удивление — вперемишку с удовольствием от красивого имени. — Вы… что — меня видите?

— Нет. Поэтому так и назвал. Когда вы говорите, мне кажется, что со мной сама ночь говорит.

— Да? — Ночка была явно польщена, — Что ж… Вы не представляете, как недалеко от истины.

— Ну, я редко ошибаюсь. Неужели вы…

— Ну да. Да! Я в самом деле — богиня ночи. Такая же невидимка, как и вы — духи. Что скажете?

— Я? Скажу правду: вы — богиня что надо. У вас замечательные ночи!

— Ну естественно! У нас, богинь — только качественный продукт. Как же иначе? Вот подождите — я еще луну призову сюда!… Вы любите луну?

— Люблю. Как же не любить ее?

— Вот!… — торжествующе подытожила Ночка и присела где-то рядом с Даней. Минутку они молчали, а затем Ночка сказала:

— Так странно, правда? Общаемся — и не видим друг друга, ничего не знаем друг о друге… И эта ночь, и море…

— Вы любите море?

— Люблю. — Ночка сказала это просто, но от ее гортанного голоса у Дани пробежали мурашки по телу. — Люблю до одурения. До слез. Я бы превратилась в рыбу, или в чайку скорее… Впрочем, я это передрала у Чехова. Нечестно! Вы… что-то мне подсказывает, что вы читали Чехова.

— Правильно подсказывает. Кстати, совсем недавно читал. Только не «Чайку», а «Степь».

— А вот этого я не читала. Видите, какая невежда? Нет, я читать люблю, только не по схеме — сначала то, потом это, клеточка к клеточке… Люблю увидеть книгу, и — знаете — позовет или не позовет? Вот «Чайка» — позвала… Надо же — рассказываю вам все это… небось надоела?

— Нет, не надоели.

— Точно? Слушайте, а вы вообще есть на самом деле?

— Эээ… хороший вопрос! Так прямо вам все и расскажи.

— Нет, ну правда! Голос есть, глина есть, и больше ничего нет…

— Слушайте, а давайте, так сказать, убедимся в реальности друг друга. Нащупаем… где вы?

— Ммммм, — послышался шорох отползающей Ночки, — Дело в том… Понимаете, я… В общем — на мне ничего, кроме вашей глины, нет.

— Подумаешь, на мне тоже — отвечал холодеющий Даня, — совсем-совсем?

— Совсем-совсем.

— И на мне… А знаете, что я предлагаю? — вдруг сказал Даня, — Давайте плавать! Брызгаться, хулиганить и неприлично себя вести!

— Дава-а-айте!!! — восторженно взвизгнула богиня, и оба они вскочили. Входя в воду — столкнулись бедрами; Ночка, ойкнув, чуть не упала, и Даня обхватил ее за талию:

— Всё, попалась! Теперь не выпущу! — и стал мазать ее глиной, собирая ее с волос, — А-а-а! Хорошо, а-а-а, как хорошо!..

Ночка, захлебываясь, визжала, но не вырывалась. Она действительно была голой: Даня ощущал ладонью покатые бедра, волоски на лобке, твердые сосочки на грудях

— А ты — молодой дух? — спросила, отдышавшись, Ночка, вымазанная Даней по шею.

— Конечно. Каких-то семь веков, как домовенку Кузе

— Ну, а серьезно?

— Духи серьезными не бывают — отвечал Даня, обхватил ее за бедра — и повалился вместе с ней в воду. Ночка упоенно завизжала

Они плавали, плюхались, ныряли, брызгались, кувыркались, тискали, мяли друг друга все смелее — Даня кружил Ночку, катал ее, швырял, общупал ее упругое тело со всех сторон; Нагота моментально сблизила их; сознание, что они оба — голые, и вся одежда осталась где-то за пределами их ночи, было как вино или наркотик.

Потом — плыли, уставшие, обратно — молча.

Когда подплыли к первому фонарю, Даня вызвался проводить ее, но Ночка сказала:

— Не надо. А то вся тайна разрушится.

— Когда мы встретимся? Где ты обитаешь? Где тебя найти?

— Я? — Ночка нервно засмеялась, — Я обитаю в мире богов. А на землю только по ночам схожу.

— Значит, завтра ночью? — спросил Даня, смирившись с игрой. — Где?

— А хоть бы и здесь. Вот на этом самом месте, под фонарем. Ровно в полночь. Не уснешь, добрый дух?

— Усну — разбудишь

— Ну, нет. Уснешь — уплыву обратно.

— Ладно, ладно. А давай

Даня не договорил: Ночка с плеском прильнула к нему — он ощутил упругие холмики, упершиеся в него — и обняла его, прижавшись щекой к ключице.

— Вот. До завтра! — оттолкнулась от Дани и поплыла прочь.

Даня стоял, как околдованный, не шевелясь, еще минут десять. Через какое-то время ему почудилось, будто кто-то поет прямо в море

Правда, с набережной, мерцавшей россыпью огней, орали сотни динамиков, и он не мог сказать определенно, слышал ли он что-нибудь на самом деле.

Назавтра Дане предстояла нелегкая задача: как-нибудь убить долгий, томительный день, отделяющий его от полуночи, — и он отправился на набережную.

Часа два он бродил среди горластого, локтистого, цветастого океана бюстов, талий, ножек, купальников, бикини, пляжных платков, темных очков, шаурмы, шашлыков, самсы, экскурсий, мата и «Владимирского центра», ни на что не глядя; остановился только полюбоваться, как и всегда, на негритянку, заплетавшую модницам афрокосички.

«Мастерская» негритянки располагалась прямо на улице. Негритянка была густо-коричневой, как черный шоколад или палисандр. Она блистала красотой невиданной заморской твари: львиной пластикой каждого полудвижения, ювелирным профилем эбеновой статуэтки, пружинистой фигурой; Когда она вставала, на голове ее мерещился невидимый кувшин.

Она была настоящей африканкой: всегда молчала, не понимая, видно, ни слова по-русски. Фигура ее была обернута тканью, пестревшей цветным орнаментом, броским и лапидарным, как тотем. Уши ее были в кольцах, руки-ноги в браслетах, ступни босые, волосы — полностью сплетены в сотни тоненьких шнурочков. В каждом из них змеились бежево-золотистые нити. На макушке косички были убраны в толстый моток, куда африканка вставляла ножницы и расчески.

Афрокосички были пискom моды. Каждое второе существо женского пола, вне зависимости от возраста, цвета волос и проч., щеголяло этой хитроумной конструкцией на голове.

Некоторые при ближайшем рассмотрении оказывались парнями: мода не знала ни возрастных, ни половых ограничений. Даня не знал ничего более уродливого, чем такое издевательство над шевелюрой; разве что бритые налысо было ему отвратительнее.

Но африканка была единственным — и блистательным — исключением: косички так шли ей, что невозможно было и представить ее без них. Золотисто-пшеничный моток так весело венчал черную лакированную головку, что все, проходя мимо, улыбались и радовались ее ослепительной и дикой красоте.

Все контакты с клиентурой вела девушка-помощница — обыкновенная, «наша». Негритянка плела косички, а та ей помогала. За работой негритянка молчала, но выражение ее лица менялось каждую секунду, и за ним можно было наблюдать подолгу, как за морской рябью. Глаза ее вспыхивали озорными огоньками, пухлые губы складывались в тысячи улыбок — от ослепительно-жемчужной до потаенной, едва видной, тени, живущие в ямочках черных щек, мерцали своей неуловимой жизнью. Дане казалось, что она радостно смеется всему, что здесь видит — с недостижимой высоты своей первобытной красоты и гармонии.

; Долго любоваться негритянкой было нельзя — неудобно, да и солнышко припекало; Даня, разозленный толпой, сбежал за город, на пустынные берега Мёртвой бухты, и промаялся там остаток дня, считая каждый сантиметр траектории солнца, а как стемнело — каждый клочок исчезающего света, каждую новую звезду, ожидая полуночи;

Но только с моря раздался знакомый гортанный голос — «э-ге-гей! есть кто живой?» — Даня дрогнул и ринулся на зов. Ночь была звездной, и в белесой мгле моря виднелись пятна плавающих голов. Он не отозвался — подплыл, стараясь не плескаться, к вопрошающей голове, накрыл ей руками глаза;

— А-а-ай! Кто это хулиганит?

— Угадай. Три попытки: Нептун? — мимо. Киркоров — тоже мимо. Кто же это?

— Не поминай имя Киркорова всуе. В полночь тем более. Тьфу-тьфу-тьфу, чур меня, чур!
— отвечала Ночка, брызгая на Даню. Прикрыв лицо, он отпустил ее, — а она подплыла к нему, обвила руками, оплела ногами, прижавшись в воде голым телом, — Ну, здравствуй! — и крепче вонзила в него холмики груди, — Здравствуй, дух. Я скучала. Очень. А ты?

Даня не знал, каким словами выразить тоску дня и сногшибательную радость встречи — и потому просто крепко сжал ее и поцеловал в лоб:

— Вот.

— Так, понятно. Снова полное родство душ. Ну что, дух, поплыли в мое царство? А то здесь слишком светло

; Они игрались и возились в воде, как дети, позабыв о стыде и приличиях; возня закружила так, что Даня физически ощутил, как открываются шлюзы его души, и сквозь них рвется наружу буйный поток.

Он общупал, наобнимал и нагладил невидимое, блещущее отражениями далеких огней тело — сверху донизу, в каждом его изгибе, в каждой ложбинке; все потаенные их места были открыты прикосновениям, и в минуту усталости от игры они занялись исследованиями:

— Какой он у тебя! — говорила Ночка, ощупывая Данин ствол. В голосе ее слышалось смущение, но мгла поглощала стыд. Даня растекался, расслаивался изнутри на тысячи блаженных ручейков, которые наконец взорвались под Ночкиными руками

— Что это было? Ах! оно самое? — заинтригованным и дрожащим голосом вопрошала Ночка, и Даня вместо ответа плотно прижимал ее к себе. Перебирая складки Ночкиного бутона, он расспрашивал её, и она застенчиво разъясняла:

— Это малые, они прячутся в больших, как такие лепесточки у цветов, знаешь? А под ними — то самое; парадный вход. А тут; аааа! тут если трогать — просто кры-ыша съезжа-а-а-ает!; Оооооу!

Голос её дрожал от головокружительного бесстыдства ситуации; Ночка танцевала в воде от возбуждения и казалась Дане русалкой.

Тогда же они и поцеловались. Первый в Даниной жизни поцелуй был долгим, обволакивающим и тёрпким от морской соли. Близость лиц и дыханий оглушила его; упоенный Даня открыл, что губы умеют говорить без слов, и восторженно признавался Ночкиным губам в любви.

Бессловесное понимание и слияние оглушало, топило в единой сверкающей радости. Нарастая, оно требовало крика, визга, — и скоро Даня с Ночкой кусались губами и визжали, выпуская пары экстаза; в ход пошли языки — вначале они вылизали соленые лица, а затем забрались в рты и связались там, сплывались в единый пульсирующий комок.

Именно тогда рука Дани, шарящая по мокрому телу, забралась в складки бутона, липкого и горячего, и Ночка захрипела, забила бедрами в воде, впившись Дане в рот, как пиявка. Искры фосфоресцирующего моря устроили настоящий фейерверк — приветствие первому оргазму ночной богини, слаще которого она не знала ничего

Расстались они под самый рассвет.

— Меня убьют дома. Впрочем, не убьют: скажу, что уснула на берегу. Я ведь и в самом деле будто уснула? А? Ведь нам снится все это? Не бывает наяву так хорошо, дружочек мой, родной мой, ааааа?

Даня хотел протянуть время, чтобы рассвет осветил его невидимую Ночку — но она сказала:

— Пора. До свиданья, дух. До следующей полуночи. Если буду жива.

Впилась ему в губы, прижалась грудями — и поплыла прочь. Даня молча стоял на дне, потом медленно поплыл ей вслед, не смея окликнуть.

Рассвело только, когда он подплыл к городу. С чувством неслыханной, щекочущей усталости добрел он к своему домику в турбазе, упал в кровать — и провалился в черноту сна без снов.

Так было и третьей, и четвертой ночью: они томили и мучили друг друга безудержными ласками, не зная исхода и пределов. Даня обмазывал Ночку глиной, а она его, и они терлись друг об друга, покрытые скользкой, обволакивающей массой; Даня мял Ночкины груди в глине, и Ночка тихо выла в экстазе?

В пятую ночь наконец случилось Это.

Все произошло внезапно, почти случайно: Ночка обхватила, как обезьянка, ногами Даню, который держал её, стоя в воде — так она делала и раньше, и Даня кружил ее, как на карусели? но сейчас она прижалась плотнее, Даня сделал произвольное движение пахом — и скользнул вдруг в мягкую, мыльную глубину. Ночка вскрикнула, глотнула воздух — «ыыыыыххх» — больно сжала Дане шею, но не отстранилась; Даня чувствовал, как окунается все глубже в плотное, горячее, обволакивающее — осознал, что произошло, и? набросился на Ночку с ласками, бурными, испуганными, исходя в них, как в истерике.

Она только шептала, задыхаясь и забирая воздух между поцелуями, будто ныряя: «Это — оно? То самое? Да? « — и Даня шептал ей — «да, да, да?», яростно бодая ее хуем и теряя голову от первого в жизни совокупления. Их окружал фейерверк фосфорных огней, плясавших вместе с ними любовную пляску.

Даня всаживался в нее до конца, отчаянно, как велело ему желание; его хуем двигала природа, а разум отключился, как в бреду. Дане хотелось проткнуть Ночку насквозь, всадиться в нее до упора, по уши, по макушку. Ночка подвывала ему — все громче и громче, и они металась с воплями, кусая, терзая, поглощая друг друга?

Когда все кончилось, и Даня лежал на руках у Ночки, как младенец, а сама Ночка дрожала и тихонько подвывала, не умея утолить желание, — на невидимом берегу засвистели, заплодировали? Их пробрал зябкий стыд. Молча, не сговариваясь, они поплыли прочь.

Даня всю жизнь ждал любви, но никогда не думал, что она явится ему в таком облике. Они с Ночкой любили друг друга без памяти, он уже знал это — и не знал, как выглядит его возлюбленная, не знал, какие у нее глаза, лицо, взгляд, волосы, кто она, откуда? как ее зовут, наконец.

Ночка слилась в его сознании с ночной мглой. Данина любовь была слепой в буквальном смысле слова — она жила звуками и прикосновениями, но не имела зрительного центра. Это заостряло до предела ощущения — осязательное, физическое чувство друг друга, — но и страстно мучило Даню. Ночка имела голос, тело, душу, но не имела лица, растекаясь в Данином сознании, как ночная мгла

Они совокуплялись каждую ночь помногу раз, и Ночка истекала своим и Даниным семенем, смешанным с морской водой. Их любовь была по-детски дикой, необузданной и не знала никакого предохранения. Даню одолевал ужас: до конца отпуска оставалась неделя, а любимая оставалась для него Ночкой — ночной тенью без лица, имени, без прошлого и будущего. Он знал только, что она очень молода, что он лишил её девственности — она призналась ему в этом, — что она ни на кого не похожа — умна, талантлива, неистощимая фантазерка, поэт, мятежная душа, — что она высока, стройна, у нее упругое, зрелое тело, и — на голове у нее афрокосички.

Это открытие, сделанное им на второй день, не разочаровало Даню, чему он немало удивился. Более того — он пустился в мысленные оправдания:

«В конце концов, если Ночка во всем — исключение, почему здесь она обязательно должна быть правилом? Конечно, она — вторая в мире девушка, которой афрокосички идут, и не просто идут, а усиливают во много крат ее загадочную красоту!»

Рассудив так, Даня отчаянно полюбил ее косички, и ему доставляло необыкновенное удовольствие играть этими влажными шнурочками, месить в них густую глину, щекотать ими себя и хозяйку

Он представлял ее то голубоглазой блондинкой, то знойной брюнеткой, то курносой, то востренькой; на его расспросы Ночка отвечала:

— Сегодня у меня голубые глаза, нежный носик пуговкой и русые волосы. Я — милая русалочка. Такой симпатичный, безопасный Лорелей. А завтра, наверно, будут карие — я еще не решила; Я ведь богиня, и могу менять внешность — не то что скучные человечьи лица: всегда одно и то же

Наконец Даня решил про себя, что Ночка рыжая, и у нее зеленые глаза. Этот облик гармонировал с её отчаянной душой, и он сказал ей об этом. Ночка отвечала:

— Как ты угадал? В самом деле — сегодня я рыжая. И у меня зеленые глаза — знаешь, как море рано-рано утром, и такие лучики в нем светятся

В любви Ночка была неистова и ненасытна. Не прошло и трех дней с ее посвящения в плотские тайны, как она уже выла и стонала Дане, обессиленному тремя оргазмами:

— Дух, душочек мой; Горю, помираю совсем; Пожалуйста, еще; пожа-а-а-алуйста!; аааааа; — и жадно впивалась ему в лицо, высасывая из Дани флюиды любви. Неопытный Даня догадался тогда, что ему делать — и скоро его рука трепетала в горячей глубине бутона, а Ночка металась, молотила бедрами воду и гортанно завывала:

— Ааааоооыыы! Ещё, еще; Оооуу! Глубже, глубже, миленький мой, ро-о-о-одненький; ыыыыыыыыыых!..

Потом — лежала на воде, близкая и невидимая, и шептала:

— Хорошо!… Боже, как хорошо!… Я орала? Сильно? — и застенчиво ластилась к Дане. — Я не могу — отключаюсь, меня просто рвет на кусочки, на такие… сладкие капельки, понимаешь?… Никогда не думала, что я такая. Я… развратная, да? Её гортанные любовные вопли были похожи на крики заморских птиц, и Даня сказал ей об этом. Ночка ответила:

— «Где-то под южным небом мужчины оплодотворяют женщин, кричащих, как ночные птицы». Ремарк. Знаешь?

Даня не знал, и ему было страшно и сладко. Он отключался от мыслей, погружаясь ночами в бездонный сумрак любви. Ему казалось, что он сходит с ума; днями ему снилась Ночка — с рыжими косичками, как у Пеппи Длинныйчулок, упругая, веснушчатая, зеленоглазая…

До конца отпуска оставалось три дня. Даня вдруг осознал это, и ему стало холодно, будто внутри потянуло сквозняком.

Он не мог спать. Мысли о Ночке и разлуке слились в неоформленный щемящий ком; Даня бродил и бродил по утреннему берегу, придумывая версии спасения. Его мысли были невнятные, проекты фантастичны: пьяный любовью, он разучился ясно мыслить…

Погруженный в себя, он не заметил, как вышел по берегу в город. Его вернул к жизни динамик прибрежного кафе, изрыгающий рулады «Владимирского централа»; Даня поморщился, как от боли, и вспомнил, как давно он не ел. Зайдя к себе в домик за деньгами, он пошел по набережной к бистро.

Было воскресенье, и Даня двигался медленно, обходя сотни движущихся тел. Крепко задумавшись, он ничего не видел перед собой — даже африканка не привлекла, как обычно, его внимания. Но затор в толпе оттеснил Даню вплотную к ее столику — и Даня волей-неволей взглянул на нее.

Она сияла неизменным великолепием, но казалась усталой. Рассеянно удивившись этому, Даня собрался нырнуть в толпу — как вдруг помощница обратилась к негритянке, не понимавшей, как он думал, ни слова по-русски:

— Мася, а чего ты сегодня грустная?

И эбеновая «мася» ответила — гортанным голосом, от которого у Дани внутри хрустнула ледышка, — голосом, знакомым до боли, до зуда в сердце:

— А, не выспалась просто. Не обращай внимания…

Даня застыл. Его разум отказывался принять очевидное, и он, забыв о приличиях, оцепенело навис над африканкой.

— А-а-а-афрррокосячки на любой вкус! Молодой человек, присаживайтесь, выбирайте — вот рисуночки, шнурочки… — рекламно защebetала помощница, — вам подойдут вот такие — всего за полчаса… По воскресеньям у нас скидки… Эсклюзивная работа мастера из Африки…

Даня стоял, не реагируя, и смотрел на мастера из Африки — на свою Ночку, явившуюся ему в

облике, о котором он не смел и мечтать. Она глядела на него с недоумением, и девушка — тоже:

— Молодой человек!..

Вдруг глаза Ночкины странно блеснули; уловив незримые, бессловесные токи Даниного взгляда, Ночка узнала его за миг до того, как он открыл рот.

— Что? — отозвался Даня, не сводя с неё глаз.

Его голос утвердил догадку — во взглядах Ночки и Дани запульсировало взаимное узнавание, ошеломившее обоих. Ночка тихо вскрикнула;

— Будем делать косички? Нет? — Белобрысая помощница раздражалась, не понимая, что происходит.

Выдержав Ночкин взгляд, вливший в него струю обжигающего тока, Даня вдруг сел на стул на клиентов.

— Молодой челове-ек! Ау-у!; Какие косички будем делать?

— Та; такие, как у нее, — ответил наконец Даня, показав на опешившую Ночку.

— Что, прямо такие же?!; Вы уверены?

— Да, — ответил он, все еще не веря происходящему, — Такого же цвета.

— И что, все волосы заплетать?

— Все. Полностью. — Даня был, как пьяный. Ночка смотрела на него с полминуты, а потом взялась за его волосы — знакомыми руками, пять часов назад втиравшими в них глину — и принялась превращать его благородную шевелюру в конструкцию, которую он еще недавно так искренне ненавидел. Помощница присоединилась к Ночке;

Когда косички были готовы, и горячий ветер защекотал Дане кожу на голове, непривычно обнаженную, — Даня быстро расплатился и, стыдливо уворачиваясь от зеркала, ухватил Ночку за руку:

— А теперь пойдём.

Ночка снова вскрикнула.

— Молодой человек; Вы; Вы что? Она на работе! Куда вы ее тащите?

— растерянно протестовала девушка-помощница.

— Сегодня она отлучится с работы — сказал Даня, тряхнув свежими косичками, — правда?

— Правда, — смятенно улыбнулась Ночка и пошла за ним.